

В прошлогоднем рейтинге продаж «Фаланстера» «Сыры» заняли верхнюю строчку. Слава Богу, жизнь выучила смотреть на литературные хит-парады с юмором, а то решил бы, что лимоновский опус, похожий на упражнения блогера-дилетанта, и впрямь чего-то стоит. Собственно,

этим и исчерпываются мои впечатления о бестселлере-2012. Кабы не популярная фамилия на обложке, то говорить было бы и вовсе не о чем. Да вот ведь парадокс: говорят. Видимо, фамилия в очередной раз не на шутку впечатлила российскую публику. Скажу, пожалуй, и я два слова, – разве я не сын страны?..

ЛИКБЕЗ ДЛЯ ЭГОБЕЛЛЕТРИСТА

Горький объявил фундаментом писательства жизненный опыт и всякого неофита благословлял идти в люди. Смею думать, что Алексей Максимович оказал отечественной словесности медвежью услугу. Если мы начнем измерять достоинства книги авторским жизненным опытом, то неизбежно въедем в подобие блатной истерики: а ты шконку давил? баланду, в натуре, хавал? Право слово, не лучший критерий оценки текста: опыт и талант – далеко не синонимы. Ну, спасал Двингер Россию от большевиков, – и даже дважды: в 1918 и 1941. Ну, спасал Майн Рид Мексику от проклятых гринго. От обоих прозаиков не осталось ничего, кроме энциклопедических дефиниций. Да и сам Горький был силен не столько знанием фактов, сколько мастерством их отбора. Уж простите за трюизм, но писателя делает не материал, а умение с ним работать: осмысливать и домысливать, обобщать, претворять события в слова. Лимонов этого никогда не умел. В особенности не давалось Эдуарду Вениаминовичу сочинительство. Каждая попытка выдумывать была равна провалу. Выходила трехгрошовая бульварщина наподобие «Палача» и «Последних дней Супермена». Так Э.Л. намертво увяз в собственной биографии. Что из этого получилось, вернее прочих определил М. Веллер: «Лимонов создал условно-автобиографический, бытовой, описательный текст без каких бы то ни было видимых литературных достоинств. Язык, сюжет, детали, психологизм решительно вялы и заурядны. Но циничная откровенность и грязнотца... – это было нечто из ряда вон выходящее... Для такой литературы достаточно самых средних способностей, но необходима нравственная храбрость».

Заголимся и обнажимся! Но и стриптиз – далеко не панацея для эгобеллетриста. Ибо жизнь – не движение, а вечное повторение одних и тех же движений. Гегель на сей предмет даже специальный термин придумал: schlechte Unendlichkeit, то бишь дурная бесконечность. Кто там у нас в постели, плохая девочка Катя? С ней выйдет ровно то же самое, что с плохой девочкой Наташей, а еще раньше – с Леной, а еще

раньше – со Светкой. A good girl Julie в точности повторит свою предшественницу, good girl Jenny...

Потому Лимонов всегда неистово цеплялся за новые впечатления и охотно шел в люди. Война в Книнской Краине? – хорошо. Тюрьма? – еще лучше: аж на три книжки хватило. А если ни войны, ни тюрьмы? Тогда, извините, снова дурная бесконечность. На Нижней Сыромятнической улице. В Сырах. Старое действо в новых декорациях промзоны...

ИСТОРИЯ ЕГО СЫРОВ

Добро бы, наш герой забрел в этот литературный тупик впервые и по ошибке. Но тематически и композиционно (если эти термины здесь вообще уместны) «Сырь» точь-в-точь воспроизводят провальную «Историю его слуги» – тот же мутный поток унылого бессюжетного бытописания. Пересказать его невозможно, как невозможно пересказать бессвязные диалоги кумушек на лавочке. А у нас в квартире газ, а у вас? – А у нас сосед соседа бил вчера велосипедом. То же у Э.Л.: покупка мебели, смерть ручной крысы, скоротечный брак и реестр одноразовых подружек налицо. Да на кой черт читателю дурная бесконечность столичной промзоны, – одному Господу ведомо. На ум опять приходит Веллер, – точнее его любимая цитата из Мериме: «Простите, сударь, мне есть очень мало дела до вас лично и всего вашего семейства». Самое любопытное, что несколько лет назад Лимонов раздраженно ворчал: «Иностранцы часто замечают, что русские “тяжелые”. Действительно, сядет такой... и загружает всех собой до упора» («Россия – щедрая душа»). Эдуард Вениаминович, вы себя не узнаете?.. Тем не менее, нет худа без добра. После «Сыров» лимоновские любовные вирши «О Фифи! У тебя ребенка тело... / У меня с тобой чувственное дело» стали мне как-то ближе. А ведь не любил, право слово: измывался и капитаном Лебядкиным обзывал. Но все познается в сравнении.

ГЕРОЙ В РЕМИЗЕ

Преподнести публике нудный лытдыбр без должной упаковки было бы равносильно самоубийству. Однако прав Лебон: не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они представляются. Э.Л. давным-давно решил, что присутствие Героя

превращает дурную бесконечность в феерию или трагедию – в общем, в высокий жанр. И пытается убедить в этом то ли читателя, то ли себя самого. «Сыры» нафаршированы такого рода мантрами, как рождественский гусь яблоками.

Сам Эдуард Вениаминович, разумеется, «человек с интеллектом высшего типа». И конечно же, «самый крупный писатель в России». И создатель партии, которую «не могут убить вот уже пятнадцать лет». Рядом с ним могут быть лишь необыкновенные женщины: очередная пассия Настя наделена «несомненным литературным даром». И прочая, прочая, прочая. До слез знакомые мотивы: гляжу в себя, как в зеркало, до головокружения. Зеркальце ему в ответ: ты прекрасен, спору нет. Но... Интеллектуал Лимонов с легкой душой приписывает Гоголю фразу Кеосаяна / Ермолинского «засланный казачок» (см. «В Сырах»). И уверяет, что пушкинскую речь Достоевский произнес в 1887 году, через семь лет после своей смерти (см. «Священные монстры»). И считает, что детей надо одновременно учить пользованию Интернетом и пишущей машинкой (см. «Другая Россия»). Все в одном флаконе: и знания, и IQ, и здравый смысл...

Самый крупный российский писатель изъясняется на карикатурном канцелярите, под статью персонажу Зощенко. «Он ест много хлебобулочных изделий», «убитых было 173 трупа», «организация атрофируется телом и духом», «он успел совершить весь процесс своего чёрного дела», «множественное количество девушек», – подобные красоты слога рассыпаны по страницам «Сыров» более чем... ах да, во множественном количестве. Я бы рекомендовал лимоновский опус студентам-филологам как учебное пособие по стилистике, поскольку это каталог всех мыслимых ошибок – от синезиса («подавляющее большинство мужчин планеты могли бы мне позавидовать») до синхизиса («ночами шумели кронами деревьев»). Эдуард Вениаминович, так чем же деревья-то шумели – ночами или кронами? Моя твоя понимай нету, как говорил еще один великий стилист Дерсу Узала.

Карликовая НП (по оценке «Левада-центра», 2 000 членов) жива лишь потому, что никто не утрудился ее прихлопнуть. Поневоле вспомнишь старый анекдот: «Это неуловимый Джо». – «Его никто не может поймать?» – «Да кому он, на фиг, нужен?» Для сравнения: нефтяная империя Ходорковского, – а это 110 000 служащих и активы ценой в 33 миллиарда долларов, – была раздавлена в считанные месяцы.

Судить о талантах Насти Лысогор лучше всего по цитате из ее книжки «Настроение зла»: «Наглых девок забреем, мужиков кастрируем,

вывернем кишками наружу, потом вставим обратно. Теперь живите. Головешки разобьем молотками, растопчем каблуками, плюнем... Люди будут жрать говно... Деградация нации налицо. Без рук, без ног летит Башлачев». Если это литературный дар, что же тогда пишут бездари? Вот уж воистину: деградация нации налицо. Вернемся, однако, к Лимонову. Итак, присутствие Героя превращает... э-э... превращает присутствие... Приносим извинения за маленькую техническую неувязку. Эдуард Вениаминович, поставьте ремиз. Впрочем, ответ у Э.Л. готов заранее: «Моя лучезарная природа мирянам не видна» («Асанга и Майтрейя»). И это знакомо: давай не видеть мелкого в зеркальном отражении. Правда, не знаю, кто на такое способен. Разве что Данилкин, беззаветно влюбленный во всякого живого классика.

ЛИМОНОВ КАК БЮРГЕР

Однажды наш герой заявил: «Я человек состязательный». Остервенелое, на разрыв аорты, самоутверждение – верный симптом принадлежности к среднему классу: аристократ самодостаточен, а люмпену затея не по зубам. Сейчас, по примеру незабвенного Рубика Хачикияна, один умный вещь скажу, только не обижайтесь: Лимонов – писатель откровенно миддлклассовый, плоть от плоти и кость от кости бургерства. Революция, говорите? Не советую заблуждаться на сей счет: бунт есть крайняя форма мещанского самоутверждения. Все революции трех последних столетий учинил именно средний класс: юристы Робеспьер, Ленин и Кастро, радиоинженер Пол Пот, библиотекарь Мао Цзэдун... Верно, диагноз по единственному симптому не ставят. Так перелистайте еще раз «Сыры»: там с бухгалтерской дотошностью зафиксирован весь симптомокомплекс: от банальнейшей женитьбы по залету до аллюзий на «Степного волка», любимое чтиво советской образованщины. С вашего любезного разрешения – несколько примеров. Первая же глава «Веничка...» повергает в легкое недоумение: а ведь это я уже читал. Далее легкое недоумение перерастает в стойкое *déjà vu*. Хорошая четверть книги состоит из пыльных журнальных публикаций: «Праматерь наша Хавва», «Нестандартные мысли о детях», «Майя. История одного черепа»... Эдуард Вениаминович, не мудрствуя лукаво, во второй раз продает издателям одни и те же тексты. И кабы только тексты. Тропы и ситуации тоже второй свежести. «Водитель Стас... выглядел как переваренная сарделина», – прежде такого сравнения

сподобился Зюганов. «Я уже дал ей кличку “Зверь”», – простите, это Лола из Питера или Милица из Белграда? Что ж, торговля литературным секунд-хэндом – бизнес древний и почтенный. Поневоле вспомнишь героев Тэффи: «По десяти раз тот же фельетон печатает. Я, говорит, теперь на проценты со старых вещей живу». Учитесь, коллеги.

Впрочем, все то дела материальные, давайте лучше о духовном. Свои религиозно-философские воззрения Лимонов в «Сырах» упомянул лишь вскользь, и слава Богу. Тухлый винегрет из теософии и уфологии – не Бог вещь какой деликатес. Этим дежурным блюдом обывателя только ленивый не потчевал. Благо, пророков у нас на все буквы алфавита: и Асауляк, и Марченко, и Пузаков-Мегре, и Тороп-Виссарион... Э.Л., задрав портки, спешит за самодельными гуру и одну за другой изрекает пошлости на ньюэйджевской фене: «Свою энергию я понимал и понимаю как светлую, креативную, созидательную. Лола Вагнер излучала чёрную энергию», «У тебя есть ярко выраженная судьба, карма» и проч.

Что там у нас еще из вечных ценностей, любовь? Думаю, достаточно будет одной цитаты: «Я всё же проявил себя как ревнивый муж: сумел умыкнуть её телефон и укрывшись в туалете прочесть десяток эсэмэсок». Лимонов, мавр венецианский: чужие письма в нужнике. Фи, не комильфо. На Шекспира не тянет; лучшем случае – на мещанскую драму. Ужели слово найдено? Вопрос о жанровой принадлежности «Сыров» решил сам собой. За что ни возьмись, – все до оскомины среднестатистическое, филистерское: и религиозные суррогаты, и старческий шпионаж за молодой супругой... «Я все ближе к героям, богам и демонам», – провозглашает Эдуард Вениаминович. Ума не приложу, в какой микроскоп разглядывать признаки сверхъестественного в дурной бесконечности мещанской драмы. И очень подозреваю, что в будущей своей книге автор объявит атрибутами мистерии кефир, клистир и сортир.

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ

Несколько лет назад ехидный Шендерович заметил: Лимонов уже никому не интересен, кроме филологов и психиатров. Свидетельствую

: насчет филологов сатирик явно погорячился.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ

Читатель: – Эдуард Вениаминович, за что мне все это? Чем я провинился?

Писатель: – Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать.